

Розрізнення повноважень різних гілок влади необхідне для того, щоб разом вони становили ціле, комплекс, систему.

У роботі «Філософська пропедевтика» Гегеля право і держава постають як елементи розвитку духу, який поки ще має назву практичного. Ці категорії представлені як такі, що мають свій постійний розвиток. Намічені основні категорії, у яких практичний дух має своє вираження. Право і мораль засновані на обов'язку, чим більш свідомість особи є розвинутою, тим більш обов'язок пов'язаний з внутрішньою сферою людини, не у розумінні суб'єктивізму, а у розумінні прийняття обов'язку як свого власного, а не такого, що є чимось зовнішнім, чужим. Розвиток свідомості і волі особи призводить до усвідомлення розумності прав і держави та їх необхідності. Розвиток духу являє собою не тільки розвиток свідомості, а й розвиток дійсності. Право виступає як реалізована свобода волі, а держава – як розумне ціле. Особа постає як така, що у своєму суспільному житті корелює особливу, суб'єктивну волю з загальною волею цілого, держави, загальна воля усвідомлюється нею як її власна. Поєднання особистої і загальної волі у результаті дає реалізацію як першої, так і другої, вони виступають не як такі, що суперечать одна одній, а як єдина розумна свобода волі.

Бібліографічні посилання

1. **Александров А. А.** Человек и общество в философии Гегеля. [Текст] / А. А. Александров. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 154 с.
2. **Быкова М. Ф.** Абсолютная идея и абсолютный дух в философии Гегеля. [Текст] / М. Ф. Быкова. – М.: Наука, 1993. – 269 с.
3. **Гегель Г. В. Ф.** Философия права. [Текст] / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.
4. **Гегель Г.** Философская пропедевтика. // Работы разных лет. [Текст]: в 2 т. – М.: Мысль, 1973. – Т. 2. – 630 с.
5. **Нерсесянц В. С.** Философия права Гегеля. [Текст] / В. С. Нерсесянц. – М.: Юристъ, 1998. – 352 с.
6. **Ойзерман Т. И.** Кант и Гегель (опыт сравнительного исследования) [Текст] / Т. И. Ойзерман. – М.: «Канон +», РООИ «Реабилитация», 2008. – 520 с.
7. **Пушкин В. Г.** Сущность метафизики от Фомы Аквинского через Гегеля к Ницше и Мартину Хайдеггеру. [Текст] / В. Г. Пушкин. – СПб.: Лань, 2003. – 480 с.
8. **Тимофеев А. И.** Учение о человеке в философии Гегеля. [Текст] / А. И. Тимофеев. – М.: Мысль, 2008. – 320 с.

Надійшла до редколегії 11.12.09

УДК 130.2

О. В. Родный

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара

«ЛИНИЯ ДЕМОКРИТА» И «ЛИНИЯ ПЛАТОНА» О СМЕХЕ

Розглянуто основні підходи до теорії комічного, сформовані в античному суспільстві. Розробка теорії сміху в Древній Греції мала основне значення для розвитку філософської рефлексії цього феномена в Новий час.

© Родный О. В., 2010

Ключові слова: сміх, гумор, воля, комізм, світогляд.

Рассмотрены основные подходы к теории комического, сложившиеся в античном обществе. Разработка теории смеха в Древней Греции имела основополагающее значение для развития философской рефлексии этого феномена в Новое время.

Ключевые слова: смех, юмор, свобода, комизм, мировоззрение.

The basic approaches to the antique society comic theory are examined. The development of laugh theory in Ancient Greece had basic meaning for development of philosophical рефлексии of this phenomenon in New time.

Key words: laughter, humour, freedom, comic, ideology.

Смех – явление, затрагивающее все стороны человеческой жизни. Можно выделить множество подходов к изучению такого сложного, многообразного феномена, каким является смех. Существуют философские и эстетические теории смеха, смех изучается как виртуальная реальность, как феномен культуры, выделяют ритуальный смех, психофизиологический и другие.

Философская рефлексия смеха, комического имеет давнюю историю. Демокрит, Платон, Аристотель, Т. Гоббс, И. Кант, Г. Гегель, А. Бергсон – далеко не полный перечень крупнейших ученых-философов, занимавшихся в свое время изучением феномена смеха. И в современной науке смех в различных его проявлениях (философском, культурологическом, психологическом, литературоведческом, лингвистическом и т.д.) является предметом тщательного изучения. Дж. Моррилл (США), В. Раскин (США), Л. Карасев (Россия), М. Рюмина (Россия), А. Сычев (Россия) и др. рассматривают смех как концептосферу, охватывающую многие стороны человеческого бытия и помогающую исследовать сущность человека.

Изучение феномена смеха в античности имеет основополагающее значение. Большинство высказываний философов той поры о смехе, трансформируясь и дополняясь, не потеряли своего значения и в Новом времени. В контексте изучения философской рефлексии комического следует говорить о двух первичных античных направлениях – Демокрита и Платона. Цель данной статьи – раскрыть сущность этих основных древнегреческих теорий о смехе, показать их значение для дальнейшей эволюции изучения такого сложного феномена, каким является смех.

Отношение к юмору следует рассматривать в социокультурном контексте. В древнегреческой доэллинистической культуре смех и факторы его проявления значительно отличались от современных: шутки и смех считались уместными только во время праздников и застолий. Комедии, как драматическое действо, также были приурочены к праздникам, как правило, к диониссийским играм. Таким образом, ирония, юмор, комедия не были банальными, привычными категориями.

Во время аристократических застолий приглашались специальные люди, которые назывались греческим словом *gelotopoiios* (производитель смеха) – прообраз современного клоуна. Их юмор отличался дерзкой насмешливостью, грубостью, агрессивностью. Такого рода шутчество было прерогативой исключительно людей низших сословий. В IV в. до н.э. свойство юмора в древнегреческом обществе кардинально изменилось. Аристократия уже не приветствовала грубый юмор, отдавая предпочтение остроумию. Основные античные теории юмора как раз относятся к

тому периоду, когда в культурных слоях общества грубый, «низовой» юмор уступил место «изыщному» смеху и иронии.

Наиболее разработанные теории смешного представлены в работах Платона, Аристотеля и их римских последователей – Цицерона и Квинтилиана. Некоторые высказывания о сущности и роли смеха можно встретить и у «практиков смеха» – прежде всего, Аристофана и Лукиана, а также Луцилия, Марциала, Ювенала и др.

С именем великого древнегреческого материалиста Демокрита связано целое направление в философии («линия Демокрита», противопоставленная «линии Платона»). Учение Демокрита из Абдер (ок. 460–370 до н.э.) во многом предопределило позднейшие, прежде всего, средневековые и ренессансные, взгляды на сущность смеха. Воспринято это учение было посредством «Гиппократова романа», широко известного в философских и медицинских кругах Европы эпохи Возрождения. «Гиппократов роман» представляет собой сборник писем, в котором Гиппократ наблюдает «безумие» Демокрита, выражающееся в почти постоянном смехе. «Я над одним только смеюсь, – объясняет причины своего состояния Демокрит, – над человеком, преисполненным безумия, чуждым справедливым делам, предающимся всяким глупым выдумкам, со страданиями переносящим самые тяжелые труды без всякой пользы... Какой смех!» [4, с. 84]. В интерпретации философа представлен взгляд на смех как на состояние, противостоящее пустоте и ничтожеству человеческих дел.

К сожалению, определенных и цельных письменных свидетельств о взглядах Демокрита на смех не сохранилось. Тем не менее на основе немногочисленного сохранившегося можно сделать некоторые выводы о теории смеха Демокрита.

Прежде всего, смех для философа есть цельное *мировоззрение*, своеобразный символ презрения к материальным благам, почестям, известности. Это взгляд мудреца, преисполненного душевного спокойствия и невозмутимости, на суетность окружающих и их поступки, направленные не на постижение вечного, а лишь на сиюминутные выгоды.

Причина смеха – в *бесцельности* поступков большинства людей. То, что кажется важным, жизненно необходимым, то, ради чего предают друзей и преступают закон: власть, слава, похоть, богатство, по Демокриту, – всего лишь пустота, прикрывающаяся значимостью. Мудрец же должен довольствоваться только самым необходимым и «бежать суетности света». В самоограничении и постижении истины человек «стремится к справедливым и законным действиям, во бдении и во сне здрав, весел и спокоен». «Смех мудреца» тем не менее не является проявлением чувства индивидуального превосходства или человеконенавистничества. «Будучи людьми, мы не должны смеяться над людскими бедами, а должны сочувствовать им», – говорит философ [6, с. 367]. Объект смеха *не должен вызывать сочувствия*: горе, страдания беды людей превращают смех в этически недопустимое действие.

«Онтологический подход Демокрита является элементарной и фундаментальной интерпретацией смеха, которая развертывается в аксиологические, гносеологические, этические и эстетические определения в позднейшей истории теорий комического» [3, с. 118].

Одним из античных последователей Демокрита в осмыслении смеха был Лукиан (около 120–180 гг. н. э.). Он так же, как и Демокрит, не оставил специальных теоретических трудов по проблеме смешного. Тем не менее высказывания о смехе, ко-

торые можно найти в ряде его произведений, дают достаточно полную картину понимания сущности комического; позже эти идеи оказали значительное влияние как на теоретиков смеха, так и на его практиков.

В диалоге «Икароменипп» Лукиан представляет мир как сцену, где каждый играет свои мелкие роли, будучи убежденным в величии и исключительности своих устремлений: «И все, что происходит на этой пестрой и разнохарактерной сцене, – заключает Лукиан, – действительно достойно смеха» [5, с.176]. Лукиан призывает довольствоваться настоящим, жить разумом, а не стремлением к богатству и власти: «Преследуй только одно: чтобы настоящее было удобно; все прочее минуй со смехом» [5, с. 168]. Такой взгляд на смех как на цельное мировоззрение близок идеям Демокрита; однако, если у последнего смех был, скорее, созерцательным, то Лукиан подчеркивает активное, обличительное начало смешного.

Влияние Лукиана на последующую теорию и практику комического можно сравнить только с влиянием наиболее известного из теоретиков «линии Платона» – Аристотеля. Связь смехового начала и свободы духа и слова, идея очищения истины смехом, образ смеховой преисподней отражены во всей средневековой и, в особенности, ренессансной культуре – у Эразма Роттердамского, Франсуа Рабле, Томаса Мора. И, позднее, у Вольтера, Джонатана Свифта, Иоганна Гете и многих других ощущается явное или опосредованное влияние стиля, идей и смеха Лукиана.

Завершая тему «линии Демокрита» в античной культуре, необходимо отметить, что этой традиции свойствен ряд определенных характерных черт. Прежде всего, это взгляд на смех как на корректив статичной серьезности и, соответственно, как на феномен, восстанавливающий цельность взглядов на окружающий мир. Подобный взгляд имеет корни в мифологическом мировоззрении, в котором смех был сакральным, необходимым, диалектически и диалогически значимым компонентом. От этой традиции «линия Демокрита» унаследовала определенную, «санкционированную свыше» вольность в выражении взглядов и свободу слова. Сатирики, комедиографы, отчасти философы-киники выполняли социально-критическую функцию в античном обществе, обличая власть и «бичуя нравы».

«Линия Платона» представляет собой первую рациональную попытку объяснения проблем комического. В отличие от мифологического синкретизма, характерного для «линии Демокрита», Платон и его последователи четко разграничивают смешное и серьезное, а также пытаются рационально разделить сам феномен смеха на «развлекательный» и «насмешливый». Для этого направления характерно, выраженное в большей или меньшей степени, неприятие насмешки и сатиры как явлений, подрывающих общественные устои. «Допустимый» смех очищается от признаков сатиры, грубой телесности, иррациональности; ему отводится малозначимая сфера развлечения и релаксации, строго отграниченная этическими и социально-политическими нормами и запретами.

Основатель традиции, ученик и популяризатор идей Сократа, классический философ античности Платон (427–347 до н. э.) в ряде своих работ предпринимает серьезную попытку рационально выяснить сущность смешного. Этот интерес к смеху неслучаен; смешное, по мнению философа, является достаточно важным

объектом исследования: «В самом деле, без смешного нельзя познать серьезного; и вообще противоположное познается с помощью противоположного, если только человек хочет быть разумным» [7, с. 77]. Анализируя высказывания Платона по этому поводу, можно достаточно точно определить несколько центральных пунктов его теории смеха. Платона интересуют вопросы причины, сущность и цели смеха, а также некоторые аспекты взаимоотношений смеха, нравственности и общественных устоев.

Большинство высказываний, содержащих негативную оценку смеха, содержатся в «Государстве»; здесь Платон выступает, прежде всего, как «воспитатель народа», отмечающий влияние различных факторов на гармоничное развитие гражданина идеальной республики. Смех, выступая как самовыражение чувственной души, по мнению философа, отвлекает людей от разумного мышления «недозревший плод срывая мудрости», предлагая «удовольствие и страдание вместо обычая и разума» [8, с. 404].

Своеобразным «протоопределением» комизма, которое позже было развернуто в известную дефиницию Аристотеля («Комедия... есть подражание людям худшим, хотя и не во всей их подлости» [1, с. 650]), можно назвать высказывание из диалога «Филеб», где Платон говорит, что «мы называем смешным все слабое и ненавистным все сильное... свойство, когда оно *безвредно*, вызывает смех... Ты поступишь правильно... если назовешь смешными тех..., которые, будучи слабы и неспособны отомстить за себя, когда их осмеивают, в то же время держатся о себе ложного мнения. Тех же, кто в силах отомстить, назови страшными, гнусными, опасными» [8, с. 56–57]. В этом высказывании Платон явно полемизирует с Аристофаном (который признавал только смех над сильными) и с традицией освященной комической вольности в целом.

С той же морализаторской точки зрения исследует смех и ученик Платона Аристотель (384–322 до н.э.), наиболее известный из теоретиков смешного. Аристотель четко разделяет понятия смеха и насмешки, где смех представляется явлением легким и существующим исключительно для отдыха и развлечения. Что касается насмешки, то в ней, как и у Платона, зримо или незримо, присутствует элемент зла. Склонность к насмешке и оскорблению вульгарна и неприлична – философ даже предлагает запретить некоторые шутки, как закон запрещает бранные выражения. Следуя классическому принципу «все в меру», Аристотель учит: «...те, кто в смешном преступают меру, считаются шутами и грубыми людьми, ибо они добиваются смешного любой ценой и, скорее, стараются вызвать смех, чем сказать нечто изящное, не заставив страдать того, над кем насмеваются. А кто, не сказавши сам ничего смешного, отвергает тех, кто такое говорит, считается неотесанным и скучным. Те же, кто развлекается пристойно, прозываются остроумными...» [2, с. 141].

Кроме вышеназванных сентенций, определивших на долгое время путь в исследованиях смешного, Аристотелю принадлежит и первое определение смеха – оно, с различными вариациями, встречается у большинства позднейших теоретиков этой проблемы: «Смешное есть некая ошибка и безобразие, но безболезненное и никому не приносящее страдание» [1, с. 650]. Это определение разворачивает мысль Платона («...свойство, когда оно безвредно, вызывает смех») и, как и у Платона, основано на этическом подходе. Однако оно также предполагает эстетическую трактовку при-

чины смеха (оппозиция безобразия и красоты) – это нечто *мнимотрагическое*, «бедная беда», показная драма.

Аристотелева дефиниция до сих пор остается одним из основных достижений в теории смеха. В эпоху Возрождения смех приобрел новые качества, формы, функции. Интерес к науке и культуре античности обусловил дальнейшее исследование комического в новых социальных условиях. Неоплатонизм становится основной научной философской базой для изучения смеха как общественного, культурного явления. В дальнейшем мы предполагаем рассмотреть трансформацию теории комического в эпоху Ренессанса.

Библиографические ссылки

1. **Аристотель.** Собрание сочинений : в 4 т. / Аристотель. – М., 1975. – Т. 4. Поэтика. – 1975.
2. **Аристотель.** Риторика / Аристотель // Поэтика. Риторика. – СПб., 2000.
3. **Дмитриев А. В.** Смех. Социологический анализ / А. В. Дмитриев, А. А. Сычев. – М., 2005.
4. **Демокрит.** Гипократов роман / Демокрит // Лурье С. Я. Демокрит: Тексты. Переводы. Исследования. – М., 1970.
5. **Лукиан.** Икароменипп / Лукиан // Лукиан. Избранное. – М., 1966.
6. **Лукиан.** Собрание богов / Лукиан // Лукиан. Избранное. – М., 1966.
7. **Платон.** Законы / Платон // Платон: Избранные диалоги. – М., 1965.
8. **Платон.** Филеб / Платон // Платон. Филеб. Государство. Тимей. Критий. – М., 1999.

Надійшла до редколегії 15.12.09

УДК 17.02

Э. К. Скиба

Национальный горный университет (г. Днепропетровск)

ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ ВО ВЗАИМОДЕЙСТВИИ ФЕМИНИСТСКОЙ И ГЕНДЕРНОЙ ТЕОРИИ

Розглянуто філософський та соціокультурний конфлікти у реалізації феміністського проекту.

Ключові слова: фемінізм, гендерна теорія, жіноче дослідження, гендерні відмінності, гендерна наука.

Рассмотрены философский и социокультурный конфликты в реализации феминистского проекта.

Ключевые слова: феминизм, гендерная теория, женское исследование, гендерные различия, гендерная наука.

The Philosophy and Sociocultural Conflict while the Feminist Project Implementating is analysed.

Key words: feminism, the gender theory, female research, gender distinctions, a gender science.

Феминизм и гендерные исследования, развиваясь в конце XX в. как два тесно связанные философское и политико-культурное течения, сейчас, в начале XXI в., сохраняют определенную дистанцию, явно проблематичную для обеих сторон.

© Скиба Э. К., 2010